

«Смысл войны» Вл. Соловьева
и русское общество

© 2021 г. Б.В. Межуев

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет,
Москва, 119991, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4.*

E-mail: borismezhuev@yandex.ru

Поступила 16.06.2020

В статье повествуется об идейных предпосылках и обстоятельствах выхода в свет известной статьи Вл. Соловьева 1895 г. «Смысл войны». Утверждается, что вошедшая впоследствии в состав монографии Вл. Соловьева «Оправдание добра» в качестве одной из глав статья отразила не только начавшийся конфликт мыслителя с религиозно-этическими воззрениями Л.Н. Толстого, но и усиливающееся отчуждение Вл. Соловьева от либерального сегмента российского общества. Указываются причины, по которым оправдание войны Вл. Соловьева не было принято российскими либералами, не желавшими вступать в жесткую полемику с популярными в народнических кругах идеями Л.Н. Толстого. Особое внимание обращается на значение феномена интеллектуального класса и фактор возрастания его роли в обществе для понимания генезиса популярности пацифизма в 90-х гг. XIX в. Выявляется тесная связь социально-политических воззрений Вл. Соловьева 1890-х гг. с идеями его отца, историка С.М. Соловьева, в частности с представлением о войне Востока и Запада как лейтмотивом мировой истории. Выдвигается тезис, что задачей Вл. Соловьева как философа и общественного деятеля было воскрешение характерного для начала 1840-х гг. комплекса идей, включающего в себя окрашенное романтизмом государственничество, убеждение в положительной роли Российской империи в истории, представление о России как хранительнице единства христианского мира.

Ключевые слова: философия войны, русское викторианство, гегельянство, шеллингянство, интеллектуальный класс, толстовство, философия всеединства.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-2-126-136

Цитирование: Межуев Б.В. «Смысл войны» Вл. Соловьева и русское общество // Вопросы философии. 2021. № 2. С. 126–136.

“The Meaning of War” by Vladimir Solovyov and Russian Society

© 2021 Boris V. Mezhuev

*Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University,
27/4, Lomonosovskiy av., GSP-1, Moscow, 119991, Russian Federation.*

E-mail: borismezhuev@yandex.ru

Received 16.06.2020

The article tells about ideological premises and circumstances of appearance of the famous article *The Meaning of War* by Vl. Solovyev published in 1895. It states, that this article which was later included into the Vl. Solovyev's treatise *The Justification of Good* as a special chapter, reflected not only the developing conflict of the thinker with religious and ethical views of Leo Tolstoy but also the increasing alienation of Vl. Solovyev from his liberal circle. It points out the reasons by which the Vl. Solovyev's justification of war was not adopted by Russian liberals who didn't want to come into polemics with Tolstoy's ideas which were popular in the populist camp. The article pays special attention to the significance of the phenomenon of intellectual class and to the factor of increasing of its role in society for the proper understanding of the rise of pacifism in Russian society in the 1890-s. It brings out a close connection between the socio-political views of Vl. Solovyev in 1890-s and the views of his father, the prominent Russian historian Sergey Solovyev, and in particular, his conception of war between the West and the East as the leitmotif of the world history. It puts forward the thesis that the main task of Vl. Solovyev as a social philosopher and public figure was the rebirth of the complex of ideas which was symptomatic for the 1840-s in Russia. That complex included a statesmanship tinged with romanticism, belief in the positive role of Russian empire in the history and the perception of Russia as a keeper of European unity.

Keywords: philosophy of war, Russian Victorianism, Hegelianism, Schellingianism, the intellectual class, Tolstoyans, the philosophy of the all-unity.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-2-126-136

Citation: Mezhuev, Boris V. (2021) “The Meaning of War” by Vladimir Solovyov and Russian Society’, *Voprosy filosofii*, Vol. 2 (2021), pp. 126–136.

Статья Вл. Соловьева «Смысл войны» с подзаголовком «Из нравственной философии» вышла в свет в июле 1895 г. в «Литературных приложениях» к журналу «Нива» [Соловьев 1995³]. Следует отметить, что это была единственная из глав будущего трактата «Оправдание добра», которая не была опубликована в качестве отдельной статьи в каком-нибудь одном из трех изданий, с которыми философ сотрудничал на регулярной основе: в «Вестнике Европы», где выходили поначалу все главы книги на общественно-политические темы, в «Вопросах философии и психологии», где размещались главы по теоретическим проблемам этики, или же в «Книжках Недели», где появлялись статьи, которые могли бы вызвать возражение в двух вышеупомянутых органах. Хотя опубликованные письма Вл. Соловьева за 1895 г. и не дают нам шанса разобраться в мотивах решения философа найти для себя еще одно дополнительное издание, можно предположить, что реальной причиной этого было понимание, что такая статья едва ли сможет быть помещена на страницах других, более привычных для автора «Смысла войны» журналов.

Соредактор «Вопросов философии и психологии» Н.Я. Грот едва ли принял бы ее к публикации, в своей позднейшей рецензии на «Оправдание добра» в 1897 г. он ясно дал понять, что не одобряет ни самой статьи «Смысл войны» [Грот 1897], ни решения философа включить ее в свою книгу в качестве отдельной главы. В «Книжках Недели» в тот момент позицию фактического редактора занимал М.О. Меньшиков, в то время убежденный толстовец. С ним Вл. Соловьеву еще придется столкнуться на страницах «Книжек» и газеты «Русь» в 1898–1900 гг. [Межуев 2017]. После 1896 г., когда Вл. Соловьев фактически спасет издания В.П. Гайдебурова от цензурного запрета, обусловленного как раз текстами М.О. Меньшикова, последний уже потеряет свое право вето в отношении публикаций философа в редактируемых им изданиях [Розанов 1907]. Но в 1895 г. такое право у него, вероятно, еще оставалось. Что касается «Вестника Европы», то в начале 1895 г. Вл. Соловьев столкнулся с определенным неудовольствием его редактора-издателя М.М. Стасюлевича в отношении одной из предшествующих статей, содержащей робкую попытку критики воззрений Л.Н. Толстого на проблему наказания преступников. Статья Вл. Соловьева «Проблема наказания с нравственной точки зрения» была взята Стасюлевичем для публикации в «Вестнике Европы» в январе 1895 г., но вышла в свет лишь в марте с некоторой задержкой и после значительной редакторской правки, принятой автором не без легкого раздражения [Соловьев 1995^а]¹. Второй текст антитолстовской направленности отдавать в «Вестник Европы» Вл. Соловьев не рискнул.

В 1895 г. авторитет Льва Толстого в русском обществе достигает своего максимума. Любое высказывание яснополянского старца на любую тему сразу приобретает характер медийного события. В феврале 1895 г. в «Северном вестнике», а затем и в ряде других изданий публикуется и, соответственно, перепечатывается повесть Л. Толстого «Хозяин и работник», служащая в определенной степени художественной иллюстрацией к нравственно-религиозному учению писателя. Весь 1895 год проходит при постоянном обсуждении философского смысла этой повести и ее художественных особенностей. На соловьевский этический цикл читательская аудитория обращает гораздо меньше внимания. С момента публикации «Принципа наказания» в «Вестнике Европы» читательская аудитория видит в Вл. Соловьеве прежде всего критика Толстого. И именно эта антитолстовская направленность этических текстов философа обрекает его на отчуждение от либеральной части общества. Возможно, в отношении Вл. Соловьева к Л. Толстому была доля ревности, что отмечают многие обозреватели, и в частности Л.Е. Оболенский в некрологе Вл. Соловьеву. Оболенский писал, что «Соловьеву было свойственно честолюбие. Этим объясняется многими его жесточайшая вражда к Л.Н. Толстому. Так между прочим думает и Меньшиков, находивший долго в весьма близком общении с Соловьевым и разошедшийся с ним весьма грубо обличением этой стороны отношения нашего философа к великому романисту. Меньшиков полагает, что тут было нечто вроде конкуренции одной крупной духовной силы к другой, еще более могучей и действительно гениальной» (цит по: [Колеров 2019, 22]). Однако это объяснение явно недостаточно: помимо ущемленного самолюбия были и другие, идейные, основания этого столкновения, начавшегося именно в 1895 г.

Проблема войны в те годы была одной из самых обсуждаемых в России. В том же самом 1895 г., в февральском выпуске «Северного вестника», вышла статья известного юриста графа Л.А. Камаровского, в которой профессор и будущий декан юридического факультета Московского университета доказывал, что войны в настоящее время перестают играть какую-либо историческую роль. Отметим, что позднее, в 1900 г., еще при жизни мыслителя, Л.А. Камаровский на страницах «Вопросов философии и психологии» выскажется и по поводу его философии войны: он сделает основной упор своей критики на финале «Трех разговоров», но, вероятно, будет держать в памяти и статью 1895 г. По мнению ученого, «объединение человечества, а вместе с ним и прекращение войны осуществится на земле не путем всемирной розни, а посредством развития в людях гуманных чувств, сознания обще-человеческой солидарности и дружного их сотрудничества на почве духовной и материальной культуры» [Камаровский

1900, 348]. В 1895 г. Камаровский со ссылкой на выводы известного экономиста и публициста И. Блюха будет утверждать, что современное вооружение полностью лишает военные столкновения характера личного соперничества², и в немалой степени именно по этой причине борьбу между народами постепенно сменяет противоборство человека с природой³.

Высказанная Л.А. Камаровским точка зрения была близка позитивизму О. Конта и отвечала, на мой взгляд, главному социальному запросу того времени – представлению о том, что положение привилегированного сословия империи вместо сословной аристократии должна занять научно-техническая интеллигенция: инженеры, учителя, изобретатели, исследователи-путешественники и пр. Сверхпопулярность в это время графа Толстого во многом объяснялась его ролью обличителя и разоблачителя своего собственного сословия, его нравов, его образа жизни, тем, что он сумел подвергнуть нравственной и религиозной дискредитации главное профессиональное занятие аристократии – военное дело.

Миролюбие русской интеллигенции той эпохи было не всегда и не в полной мере бескорыстно – оно во многом являлось следствием ее классовых амбиций, ее претензии на социальное лидерство, то есть следствием выхода интеллектуального класса в большую политику в качестве контрэлиты феодальной России. При Александре Благословенном Россия почти непрерывно вела войны, и ее участие в этом деле не вызывало ни малейшего раскаяния ни у военных, ни у представителей церкви, ни у поэтов и философов того времени. На войну смотрели тогда как на межгосударственную дуэль, как на законный поединок двух держав, война была в точном смысле слова «призванием и профессией» государственной элиты – дворянства. Пушкин осуждал Александра не за войну, а за отказ от войны в 1820 г. в поддержку восстания фанариотов в Греции. Позднее поэт восторженно писал об императоре Николае Павловиче: «Россию вдруг он изменил *войной*, надеждами, делами».

Пацифизма вообще не существовало вплоть до 1880-х гг. При Александре II русское общество без малейшего нравственного возмущения восприняло экспансию империи в Среднюю Азию. Устами Ивана Аксакова и других славянофильских трибунов оно отчаянно требовало от императора объявления войны Турции за освобождение болгарских «братушек». Достоевский в апреле 1877 г. написал восторженную апологию войны на страницах «Дневника писателя», где декларировал, что «не всегда война бич, иногда и спасение», что война служит делу нравственного улучшения людей, и безнравственным является в иных случаях миролюбие, прикрывающее не только трусость, но и жадный, меркантильный расчет [Достоевский 1983].

Достоевский, с которым уже в тот момент был знаком молодой Вл. Соловьев, конечно, метил в западников «Вестника Европы», в особенности в А.Н. Пыпина, с опасением относившихся к проповеди панславизма и внешней экспансии. Однако право на войну как таковое у образованной части общества в 1870-е гг. еще не вызывало сомнения. Отец Вл. Соловьева, знаменитый историк С.М. Соловьев, в 1876 г. написал две статьи по восточному вопросу, где признавал необходимость для России завершить свое двухвековое противоборство с Османской империей как азиатской державой, покорившей восток христианской Европы. В отличие от славянофилов и явно расходясь в тот момент со своим сыном Владимиром⁴, он считал, что задача империи состоит не в пробуждении славянства как небывалой исторической силы, но в окончательной победе над азиатским началом в Европе. Сам Вл. Соловьев в тот момент, конечно, высказывается намного более радикально, он решительно склоняется вправо, демонстративно покидает Московский университет, где занимает должность приват-доцента историко-филологического факультета, и на короткое время отправляется на театр военных действий в качестве военного корреспондента катковской газеты «Московские ведомости». Эта деятельность явно не была для него успешной, военные события должен был и мог освещать только человек, компетентный в этой проблематике, чем молодой философ не мог похвастать. Вскоре он возвращается обратно в Петербург, чтобы продолжить преподавательскую карьеру. Тесное сближение с Катковым,

вступление в его команду, безусловно, было вызовом либеральным убеждениям отца философа, С.М. Соловьева, в это время вынужденного покинуть должность ректора Московского университета в том числе в связи с доносами на него со стороны соратника Каткова, профессора физики Н.А. Любимова, сторонника пересмотра университетского устава 1863 г.

Это расхождение с отцом и его московским либерально-профессорским окружением станет важнейшим фактором последующей идейной эволюции Вл.С. Соловьева и определит его поведение как публициста в 1890-е гг. Отметим, что фундаментальной причиной разрыва с Московским университетом и фактически отдалением от отца и его круга явилось то огромное историческое значение, которое Вл. Соловьев придавал балканским событиям. Ведь он рассматривал свою собственную философскую работу в качестве теоретического введения к тому грандиозному синтезу Востока и Запада, который должно было осуществить выступающее на историческую сцену славянство. На фоне этих событий вселенского масштаба борьба за автономию университета, которую вели его отец и его соратники, не представлялась философу делом приоритетного значения, и он не поддержал преподавателей университета в их бойкоте сподвижника Каткова, автора консервативного проекта университетского устава. Отказ от присоединения к профессорскому бойкоту, участники которого выступили в поддержку покинувшего свой пост ректора, отца Вл. Соловьева, сделал для него невозможным дальнейшее пребывание в стенах Московского университета.

Поэтому можно только предположить, насколько сильный удар Вл. Соловьев испытывает в 1879 г., когда умирает его отец, Сергей Михайлович, два последних года своей жизни читавший лекции в университете в качестве ординарного профессора. Философ никогда не признавался в своей личной вине в случившемся, однако несложно увидеть в дальнейших зигзагах его идейной эволюции свидетельство явного стремления загладить свое чувство вины за произошедшее, в том числе за счет признания своей главной политической и историософской ошибки. Он постепенно приходит к мысли, что в отношении русско-турецкой войны отец его был прав и он, его сын, переоценил балканскую историю 1870-х гг., увидев в ней предвестие будущего объединения христианского человечества. Державно-националистическая интерпретация значения балканских событий для России, которую предлагал М.Н. Катков, Вл. Соловьева явно не удовлетворяла, даже рамка строительства будущего славянского культурно-исторического типа, на которой настаивал Н.Я. Данилевский, представлялась философу слишком узкой и недостаточной для того, чтобы оправдать факт совершенного им сыновнего отступничества. Его собственная теократическая идея, родившаяся именно для того, чтобы добиться воссоединения христианского мира в условиях фрустрации панславистских мечтаний, не была принята наследниками славянофилов, причем, как Вл. Соловьев не без оснований полагал, не столько по причинам религиозного и вероисповедного характера, сколько в силу чисто националистической антипатии к католицизму.

Почувствовав в конце 1880-х гг., что его уход в правый лагерь был ошибкой, причем, возможно, повлекшей самые драматические последствия для его семьи, Вл. Соловьев решает вернуться в сообщество тех людей, среди которых он рассчитывал найти продолжателей дела своего отца, либерального государственника 1840-х гг., то есть в сторону «Вестника Европы». Но Вл. Соловьев не замечает, что либерализм «Вестника Европы» 1890-х гг. значительно отличается от либерализма его отца. В частности, за время царствования Александра III в России в либеральных кругах меняется отношение и к войне, и к самому феномену империи: предельно непопулярными становятся любые рассуждения о державности, государственности и уж тем более о смысле войны. За 13 лет царствования Александра III Россия не вела ни одной войны, за исключением небольшого пограничного конфликта на юге, и скончавшегося в октябре 1894 г. императора торжественно и благожелательно называли «миротворцем». Однако даже заключенный им франко-русский союз в 1891–1893 гг. либеральные круги «Вестника Европы» оценивали как потенциальную угрозу миру на континенте. В 1895 г., когда Япония, одержав победу над Китаем, принудила Поднебесную к серьезным территориальным

уступкам, Россия в союзе с Германией и Францией решила выдвинуть Японии ультиматум, чтобы заставить ее отказаться от приобретенных территорий в обмен на денежную контрибуцию. Это казалось огромным дипломатическим успехом молодого царя Николая II, но в момент неопределенности, когда еще было неизвестно, как отреагирует Япония, мнения в прессе разделились. Правая печать, в частности «Московские ведомости», поддержала демарш, призывая правительство не бояться возможности войны с Японией в случае отвержения этой страной ультиматума трех держав. Либералы, включая «Вестник Европы», жестко выступали против войны с прогрессивной азиатской державой, каковой представлялась тогда Япония. Получалось, что своим «Смыслом войны» Вл. Соловьев поддержал правых и невольно отделился от собственного либерального лагеря⁵.

Правые публицисты почти в один голос приветствовали появление «Смысла войны», тогда как в лагере либеральном практически никто не решался выступить в защиту философа. Проблема, однако, заключалась в том, что на самом деле Вл. Соловьев возвращался отнюдь не в правый лагерь; он, как ему казалось, развивал идеи своего отца, либерала и западника. Вл. Соловьев стремился показать, что именно он является подлинным философским наследником автора «Истории России» и что в своей собственной философии истории он только развивает концептуальные положения историографии Сергея Михайловича. Это легко доказать беглым сравнением двух текстов. В 1876 г. историк начинает свой цикл о Восточном вопросе упоминанием о том, что этот вопрос «появился в истории с тех пор, как европейский человек сознал различие между Европою и Азией, между европейским и азиатским духом. Восточный вопрос составляет сущность истории Древней Греции; все эти имена, знакомые нам с малолетства, имена Мильтиадов, Фемистоклов, близки, родственны нам потому, что это имена людей, потрудившихся при решении Восточного вопроса, потрудившихся в борьбе между Европою и Азией» [Соловьев 1882]. И ровно эта же мысль была центральной для «Смысла войны». Сравним зачин «Восточного вопроса» с началом пятого параграфа текста 1895 г.: «Общая история человеческих войн <...> представляет удивительное единство и стройность. В туманно-розовых воспоминаниях исторического детства возникает прежде всего ясный, хотя и полу-фантастический образ троянской войны – этого первого великого столкновения Запада с Востоком, Европы с Азией. Так смотрит на троянскую войну и с нее начинает свою историю еще Геродот, и с нею же, конечно, не напрасно связан первый вдохновенный памятник чисто человеческой поэзии (Илиада). Действительно, эта война есть начало земной, мирской истории человечества, которая во все свое продолжение вращается вокруг роковой борьбы между Востоком и Западом, при все более и более расширяющейся арене». Сходство идей отца и сына трудно не заметить, при одном единственном отличии: для отца последним оплотом Азии или Востока выступает Турция, для сына – «зловещая громада Китая». Итогом войны с последним оплотом Востока, по мнению Владимира Соловьева, должна явиться «всемирная монархия», подобная Римской, но уже не ограниченная рамками Средиземноморья. Эту идею о мировой истории как чередовании «всемирных монархий» Вл. Соловьев действительно заимствует у Тютчева [Флоровский 2001], а представление о «всемирной монархии» как политическом идеале христианского человечества – из «Монархии» Данте⁶. Но представление о том, что столкновение Азии с Европой является главным сюжетом мировой истории, восходит к взглядам отца философа, высказанным им в работе о восточном вопросе. Вл. Соловьев с удивлением мог обнаружить, что к 1890 г. подобный либерализм «в стиле милитари» явно вышел из моды.

На протяжении 1895–1896 гг. Вл. Соловьев делает отчаянные шаги, чтобы, заручившись авторитетом покойного историка, доказать, что либерализм и западничество прекрасно соотносятся с державностью и христианской религиозностью и что они гораздо менее совместимы с толстовством и пацифизмом, по тактическим причинам в этот момент не оспаривавшимся и «Вестником Европы», редакция и авторский состав которого, по признанию В.Д. Кузьмина-Караваева, приняли появление «Смысла

войны» с «недоумением» [Кузьмин-Караваев 1900, 450]. В марте 1896 г. он обращается к М.М. Стасюлевичу с приветственной речью в связи с 30-летием журнала. В этой речи он говорит о заветах Петра Великого, ложном и подлинном. «Ложный» взял себе славянофилы, «они, как известно, завоевали Константинополь, объединили славянские народы и покорили вселенную». Другие же, подлинные, заветы – «добросовестно-энергичного труда для просвещения России и улучшения ее жизни – этот завет приняли люди другого типа, настоящие представители русского сознания и русского дела. Таким был Ломоносов, таким был Новиков. <...> Мне этот тип людей <...> деятелей просвещения, общественной пользы был знаком и дорог с детства в лице моего отца. После его смерти я вновь нашел его, когда сблизился с Вами и с Вестником Европы – я нашел здесь гнездышко от гнезда Петрова»⁷. Этот найденный М. Смирновым в архиве Вл. Соловьева в Российской национальной библиотеке отрывок обрывается утверждением, что Петр был самодержец – и «это не недостаток, а только образ правления». Вероятно, Вл. Соловьев хотел сказать о том, что и Стасюлевич является столь же «самодержавным» властителем своего журнала, но в то же время философ намекал и на свою апологию самодержавия в статье, появившейся в декабрьской книжке «Вестника Европы» за 1895 г. под названием «Значение государства» [Соловьев 1995⁷] и вызвавшей еще большее «недоумение», чем «Смысл войны», в либеральном и народническом лагерьх общественной мысли.

После выхода в свет «Значения государства» некоторые правые публицисты решили, что Вл. Соловьев возвращается в их стан, а левые народники не могли скрыть своего возмущения как самой статьей, так и опубликовавшим ее журналом. Никому не пришла в голову очевидная мысль, что Вл. Соловьев только развивает, усиливает в правую сторону политические идеи С.М. Соловьева, поклонника Петра Великого, идеи либерального историка, которому конституционное преобразование России представлялось делом отдаленным, а самодержавие – феноменом исторически законным, хотя и не идеальным. Возвращения философа в консервативный лагерь, тем не менее, не произошло. Уже весной 1896 г. Вл. Соловьев резко дистанцируется от столь благосклонно принимавших его идейную эволюцию 1895 г. консервативных кругов. В апреле 1896 г. Вл. Соловьев вместе с братом Михаилом выступил с протестом против публикации на страницах «Русского вестника» извлечений из воспоминаний С.М. Соловьева. Михаил и Владимир заявили, что подготовивший публикацию мемуаров отца их старший брат, писатель Всеволод Сергеевич Соловьев, осуществил пристрастную редактуру воспоминаний, опустив либеральные фрагменты, в частности критику митрополита Московского Филарета, но сохранив все консервативные высказывания покойного историка, относящиеся к царствованию Александра II. Младшие братья считали, что записки С.М. Соловьева надо издавать в полном виде, без цензурных изъятий, и что сделать это следует именно на страницах «Вестника Европы». Они обратились с открытым посланием к М.М. Стасюлевичу с просьбой издать в полном и неискаженном виде записки их отца: «Зная дружественное к Вам отношение покойного отца и его сочувствие “Вестнику Европы”, где он с самого основания Вами журнала и до своей последней болезни помещал почти ежедневно свои статьи, мы находим справедливым предоставить Вам издание записок в надлежащем виде, согласно автобиографическому подлиннику, находящемуся в нашем распоряжении» [Соловьев, Соловьев 1896, 889]. Иными словами, Вл. Соловьев по-прежнему пытался продемонстрировать своим коллегам по «Вестнику Европы», что в его лице они имеют не какого-то неизменного перевертыша с неизжитыми националистическими симпатиями, а наследника и продолжателя дела крупнейшего либерального историка XIX в.

Б.М. Эйхенбаум в своем знаменитом исследовании творческой истории «Войны и мира» Л.Н. Толстого «Толстой. Шестидесятые годы» выдвигает гипотезу, что при создании своего эпоса Толстой в столкновении с чуждым ему временем шестидесятых годов, его материалистическими настроениями и утилитарными запросами, обращается к жанру исторического романа, хотя и популярному в сороковые годы, но являвшемуся

в те годы уделом второсортных литераторов, работавших для массовой аудитории, таких как Ф.В. Булгарин, Р.В. Зотов, М.Н. Загоскин. Феномен Толстого как писателя рождается из противодействия своему времени. То же можно сказать и о Вл. Соловьеве. По большому счету это человек идей и интересов 1830–1840-х гг. с их романтическим шеллингианством или гегельянством, философским интересом к истории и державным государственным делом. Вл. Соловьев только усиливает этот комплекс идей верой в осуществление всех грез русского консервативного утопизма в условиях национального пробуждения славянства. Его расхождение с отцом было вызвано, конечно, гораздо большими ожиданиями от событий 1877–1878 гг., которые, как он считал, представляли собой реванш 1840-х гг., их внешнеполитических надежд, после досадной паузы, вызванной семилетней реакцией, поражением в Крымской войне и необходимым отвлечением на внутренние реформы. В конце 1880-х он окончательно приходит к выводу, что поспешил со славянофильскими мечтаниями и что ему следует вернуться в либеральный лагерь. Но, к своему неудовольствию, он обнаруживает, что и либеральная повестка дня резко меняется, и ровно те же самые идеи, что принимались всем обществом спокойно еще в 1870-е гг., в 1890-е для либералов оказываются уже категорически неприемлемыми.

Дело было не только в популярности проповеди Толстого, в конце концов, «невские скептики» толстовцами не являлись, и не только в самой угрозе вооруженного столкновения с Европой, чем была чревата балканская кампания 1878 г. и в определенной мере начавшаяся экспансия империи в Среднюю Азию. Думаю, проблема лежала глубже. Сороковые годы оказались несостоявшимся проектом того, что я бы вслед за В.Л. Цымбурским назвал «русским викторианством» – тесным взаимопроникновением ценностных систем уходящей с исторической сцены сословной аристократии и поднимающегося на эту сцену интеллектуального класса. Московский университет был во многом тем местом, где совершалось взаимодействие этих двух классов, где вырабатывались нравственные и теоретические принципы возможного синтеза, допустимого компромисса между старой и новой социальной элитой. Феномен «людей сороковых годов» был во многом рожден университетской или околоуниверситетской сплавкой дворянства и разночинной интеллигенции в рамках единого класса, которому и надлежало в будущем стать политической элитой империи. Однако вначале реакция поздних лет николаевского царствования, а затем шестидесятые годы наносят этому идейному комплексу непоправимый удар: распадается чаемое единство дворянства и интеллектуальной элиты, воплощением которого была в середине XIX в. научная и общественная деятельность С.М. Соловьева, разночинца, призванного и смыслившего историческую миссию империи. Проблема войны оказывается в более поздние годы парадигмально значимой: те, кто отрицал войну в принципе, отрицали не столько ее саму, сколько право дворянского сословия, военной элиты империи, на высшее положение в государственной иерархии. Соответственно, апология войны с нравственной точки зрения примерно с 1880-х гг. воспринимается как измена делу интеллигенции.

Вл. Соловьев в 1890-е, в своей защите войны, пытается исходить из парадигмы гегельянского либерализма 1840-х гг. со всеми допустимыми романтическими отклонениями от нее и закономерно наталкивается на стену непонимания и «недоумения». В дальнейшем он явно ожесточается против всего русского общества и его кумира Л.Н. Толстого и доходит до выглядевшего первоначально совершенно скандальным обличения писателя как предтечи Антихриста. Но Вл. Соловьев был бы, наверное, еще более удивлен, если бы узнал, что те же самые общественные круги, что встретили столь враждебно его «Смысл войны», в 1914–1915 гг. будут на свой лад воспроизводить его мысли о последней войне против последнего оплота зла. Таковым представлялся им уже не Китай и не Турция, но кайзеровская Германия, после победы над которой должно было наступить царство всеобщего мира. Тот же самый Кузьмин-Караваев, который возмущался выводами «Смысла войны» в 1895 г., и после начала Первой мировой войны наконец признает парадоксальную правоту мыслителя «в том «оправдании» войны, которое в свое время было встречено резкими возмущениями

и даже в близких ему людях вызвало немалое недоумение. <...> И если в итоге нынешней войны падет милитаризм, как основа строя жизни народов и государств Европы, то все миллионы безвременно погибших людей и все неисчислимые имущественные жертвы получают несомненное “оправдание”. Всего спустя менее двадцати лет события показали, как прав был Владимир Соловьев, когда он говорил: “войны” “еще могут быть необходимы и полезны”» [Кузьмин-Караваев 1914, 353, 355].

Как семидесятые годы кажутся возрождением или реваншем сороковых, второе десятилетие XX в. воспринимается современниками как запоздалый реванш семидесятых с их надеждами на взятие Константинополя и славянское объединение под эгидой России. Война уже более не является «сословным» призыванием, но вновь мыслится как «общенациональное» дело. Дожившие до этих лет либеральные друзья Вл. Соловьева с удивлением обнаруживают не сознававшуюся ими ранее правоту автора «Оправдания добра», при том что он писал в 1890-е о совершенно другой войне с совершенно другим противником.

Примечания

¹ В письме к супруге Н.А. Котляревского, известной актрисе Вере Васильевне Котляревской, которая вместе с мужем посетила пансионат Рауха зимой 1894–1895 г., Вл. Соловьев выражал благодарность Котляревскому за «любезное исполнение» его поручения с доставкой в редакцию «Вестника Европы» последней части рукописи «Принципа наказания», однако признавал, что в силу осторожности Стасюлевича усилия Котляревского оказались бесполезными. «Впрочем, – признавал философ, – я напрасно его этим обременил, так как статья все-таки опоздала к февральской книге, не столько из-за времени, сколько из-за чрезмерной предосторожности редактора, желающего на досуге исследовать, достаточно ли она дезинфицирована в цензурном смысле» [Соловьев 1909, 14].

² Ср. известные строки А. Блока из поэмы «Возмездие»: «Там пушки новые мешают сойтись лицом к лицу с врагом», восходившие, как можно предположить, к выводам, сделанным еще в XIX в. экономистом И. Блюхом об изменении характера войны в силу бурного прогресса средств вооружения [Блюх 1893].

³ «Переродившись, война сама произносит себе смертный приговор. Она ныне с нравственной стороны настолько же понизилась, насколько выросла в материальной силе. Отсюда мы черпаем глубокий урок, преподаваемый нам историей: так если борьба, соревнование возвышали человека, а ныне война, напротив, унижает его, то следует уничтожить войну, сохранив борьбу. Но борьбу против кого? Против природы» [Камаровский 1895, 134].

⁴ Позиция Вл. Соловьева того времени наиболее ярко была высказана им в речи 1876 г. в Обществе любителей российской словесности «Три силы». Первая публикация: [Соловьев 1977].

⁵ См. об этом подробно: [Межуев 2019].

⁶ О влиянии идей «Монархии» Данте на политическое мировоззрение Вл. Соловьева см. статью о. Г. Флоровского «Владимир Соловьев и Данте: задача христианской империи» (1956). Этот текст в 2006 г. был переведен на русский язык Е.А. Прибытковой и опубликован, в частности, в журнале «Соловьевские исследования» [Флоровский 2006; Прибыткова 2009].

⁷ Для облегчения чтения этого отрывка я привел его реконструкцию публикатором, опустив те сокращения, которые были в рукописи. См.: [Соловьев 1995⁶].

Источники – Primary Sources

Блюх 1893 – *Блюх И.* Будущая война, ее экономические причины и последствия // Русский вестник. 1893. № 2. С. 257–308 (Bliokh, Ivan S., *Future War, Its Economic Causes and Consequences*, in Russian).

Грот 1897 – *Грот Н.Я.* <Рецензия на книгу Вл.С. Соловьева «Оправдание добра»> // Вопросы философии и психологии. 1897. Январь – февраль. Кн. 36 (1). С. 159–160 (Grot, Nikolay Ya., *Review of the Book “Justification of Good” by Vl. S. Solovyov*, in Russian).

Достоевский 1983 – *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. Апрель 1877 г. // *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 25. Л.: Наука, 1983. С. 98–103 (Dostoevsky, Fyodor M., *Writer’s diary*, in Russian).

Камаровский 1895 – *Камаровский Л.А.* О значении войны для современного общества // Северный вестник. 1895. № 2. Ч. 1. С. 127–141 (Kamarovsky, Leonid A., *On the Significance of War for Modern Society*, in Russian).

Камаровский 1900 – *Камаровский Л.А.* К вопросу философии войны. Доклад, читаемый в Психологическом обществе // Вопросы философии и психологии. 1900. Май – июнь. Кн. 53. С. 335–356 (Kamarovsky, Leonid A., *On the Philosophy of War*, in Russian).

Кузьмин-Караваев 1900 – *Кузьмин-Караваев В.Д.* Из воспоминаний о Владимире Сергеевиче Соловьеве // Вестник Европы. 1900. № 11. С. 443–453. (Kuzmin-Karavaev, Vladimir D., *From Memoirs about Vladimir Sergeevich Soloviev*, in Russian).

Розанов 1907 – *Розанов В.В.* Из старых писем. Письма Влад. Серг. Соловьева // Золотое руно. 1907. № 3. С. 54–62. URL: http://dugward.ru/library/rozanov/rozanov_iz_staryh_pisem.html (Rozanov, Vasily V. *From Old Letters. Letters to Vl.S. Solovyov*, in Russian).

Соловьев 1895^a – *Соловьев Вл.С.* Смысл войны. Из нравственной философии // Нива. Ежемесячные литературные приложения. 1895. Кн. 7. Июль. С. 430–462 (Solovyov, Vladimir S., *The Meaning of War. From Moral Philosophy*, in Russian).

Соловьев 1895^b – *Соловьев Вл.С.* Принцип наказания с нравственной точки зрения // Вестник Европы. 1895. № 3. Март. С. 212–235 (Solovyov, Vladimir S., *The Principle of Punishment from a Moral Point of View*, in Russian).

Соловьев 1909 – *Соловьев Вл.С.* Письма. СПб.: Общественная польза, 1909. Т. II (Solovyov, Vladimir S., *Letters*, in Russian).

Соловьев 1977 – *Соловьев Вл.С.* Три силы // Православное обозрение. 1877. № 1. С. 53–68 (Solovyov, Vladimir S., *Three forces*, in Russian).

Соловьев 1995^a – *Соловьев Вл.С.* Значение государства // Вестник Европы. 1895. № 12. С. 803–814 (Solovyov, Vladimir S., *The Meaning of State*, in Russian).

Соловьев 1995^b – *Соловьев Вл.* Приветственная речь, обращенная к М.М. Стасюлевичу в связи с 30-летием журнала «Вестник Европы» // Логос. Диалог Восток-Запад. Кн. 50. Брюссель; М., 1995. С. 286–287 (Solovyov, Vladimir S., *Welcome Speech Addressed to M.M. Stasyulevich in Connection with the 30th Anniversary of the Journal “Vestnik Evropy”*, in Russian).

Соловьев 1882 – *Соловьев С.М.* Восточный вопрос // Сочинения Сергея Михайловича Соловьева. СПб., 1882. С. 294–300. URL: http://dugward.ru/library/solovyev_s_m/solovyev_s_m_vostochniy_vopros.html (Solovyov, Sergey M., *Eastern Question*, in Russian).

Соловьев, Соловьев 1896 – *Соловьев Вл., Соловьев М.* Письмо редактору по поводу «извлечений» из записок историка С.М. Соловьева // Вестник Европы. 1896. № 4. Апрель (Solovyov, Vladimir S., Solovyov, Mikhail S., *Letter to the Editor Regarding the “Extracts” from the Notes of the Historian S.M. Solovyov*, in Russian).

Флоровский 2001 – *Флоровский Г.В.* Тютчев и Владимир Соловьев // Соловьевские исследования. 2001. Вып. 7. С. 218–234 (Florovsky, Georges V. *Tyutchev and Vladimir Solovyev*, in Russian).

Флоровский 2006 – *Флоровский Г.В.* Владимир Соловьев и Данте: задача христианской империи / Пер. с англ. Е.А. Прибытковой // Соловьевские исследования. 2006. Вып. 13. С. 228–256 (Florovsky, Georges V. *Vladimir Soloviev and Dante: The Problem of Christian Empire*, Russian Translation).

Ссылки – References in Russian

Колеров 2019 – *Колеров М.А.* Новое свидетельство современника о Владимире Соловьеве // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник 2019. Вып. 15. М.: Модест Колеров, 2019. С. 9–23.

Межуев 2017 – *Межуев Б.В.* Михаил Меньшиков в полемике с Владимиром Соловьевым // Литература в системе культуры. К семидесятилетию профессора И.В. Кондакова. Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции / Сост. А.С. Баранов, А.В. Мартынов. М.: Академия социального управления, 2017. С. 137–145.

Соловьев 1977 – *Соловьев Вл.С.* Три силы // Православное обозрение. 1877. № 1. С. 53–68 (Solovyov, Vladimir S., *Three forces*, in Russian).

Прибыткова 2009 – *Прибыткова Е.А.* Христианство и Империя: Фома Аквинский, Данте, Вл. Соловьев // Соловьевские исследования. 2009. Вып. 21. С. 4–23.

References

Kolero, Modest A. (2019) “New Testimony of a Contemporary about Vladimir Solovyev”, *Issledovaniya po Istorii Russkoi Mysli*. Yearbook 2019, Issue 15, Modest Kolero, Moscow, pp. 9–23 (in Russian).

Mezhuev, Boris V. (2019) “Move to the Right: Vl. Solovyev and His “The Meaning of War””, *Solovyovskie Issledovaniya*, Vol. 3, pp. 32–58 (in Russian).

Mezhuev, Boris V. (2017) “Mikhail Menshikov in Polemics with Vladimir Solovyev”, Baranov, Alexandr S., Martynov, Andrey V., eds. *Literature in the System of Culture. To the 70th Anniversary of Professor I.V. Kondakov*, Academy of Social Management, Moscow, pp. 137–145 (in Russian).

Pribytkova, Elena A. (2009) "Christianity and Empire: Thomas Aquinas, Dante, Vl. Solovyev", *Solovyovskie Issledovaniya*, Vol. 21, pp. 4–23 (in Russian).

Сведения об авторе

МЕЖУЕВ Борис Вадимович –
кандидат философских наук, доцент
кафедры истории русской философии
философского факультета МГУ
им. М.В. Ломоносова.

Author's Information

MEZHUEV Boris V. –
CSc in Philosophy, Associate Professor
of the Department of History of Russian Philosophy,
Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow
State University.